

Концепт силы в системе ценностей русской былины

Статья посвящена исследованию концепта силы в аксиологической системе, которая сформировалась в русской былине. Его особенности выявляются на обширном материале (с акцентом на текстах из цикла об Илье Муромце как репрезентативных) и в сопоставлении с античным героическим эпосом, где проблемы чести и силы решаются по-иному. Самое существенное различие, отмеченное автором статьи, заключается в том, что в античном эпосе сила является прежде всего средством для достижения славы, тогда как былинный герой получает ее для выполнения особой миссии сострадания. С этим связана еще одна важная деталь: в первом случае сила предстает постоянной величиной, данной герою раз и навсегда, во втором же обретение и возможная потеря силы зависят от того, не отступает ли герой от своей миссии.

Ключевые слова: аксиология, сила, честь, слава, сострадание, античный героический эпос, былина, подвиг, миссия.

Удобной отправной точкой для исследования ценностной картины мира русской былины представляется аксиологическая система эпоса античности. Можно предположить, что эпос героический, в отличие от дидактического, транслирует ценности более эффективно не только потому, что обладает богатейшими выразительными возможностями, но и потому, что дистанцируется от прямого морализаторства и функции регламентирования быта, демонстрируя вместо этого модельное поведение как условие победы и успеха. Неудивительно, что именно в эпических текстах античной древности, а не в трудах философов, содержатся дошедшие

до нас архаические ценностные концепты, позволяющие, по словам А.А. Столярова, «судить об основных мировоззренческих интуициях эпохи»¹.

По наблюдению С.С. Аванесова², ключевой ценностный концепт гомеровского эпоса – концепт чести (τιμή – славы, признания потомков). Ценность силы и мужества, приобретенных естественным либо чудесным путем, в мире античного мифа относительна, ибо сила и мужество необходимы лишь для снискания славы. Античная жажда славы, чести, высокой оценки потомками не пережила христовой проповеди смирения, преображения, снискания Духа Святого и «вынуждения» для себя Небесного Царствия и, конечно, не могла быть унаследована эпосом христианского народа. Один из любимых этим народом ветхозаветных псалмов прямо предостерегает «надеющихся на силу свою» о том, что «егда разбогатеет человек или егда умножится слава дому его, яко внегда умрети ему, не возмет вся, ниже снидет с ним слава его» (Пс. 48:7, 17–18).

Прежде всего важно отметить, что сила нужна русскому былинному богатырю отнюдь не для достижения славы и признания потомков, но для исполнения особой миссии, которую можно назвать, по нашему убеждению, «миссией сострадания».

Следует начать с того, что русский былинный богатырь не ищет силы, она сама «настигает» героя и, как правило, является всего лишь средством выполнения миссии, а нередко – опасным искушением. Избыток силы для Василия Буслаева и Добрыни Никитича³ (а в ряде вариантов и Ильи Муромца) в детстве – неудобное качество, граничащее с общественно осуждаемой ненормальностью (ср. с былиной «Саул Леванидович», что свидетельствует о типичности этого мотива):

Молодой Василий сын Буслаевич.
 Он не мал, не велик – ровно трех годов,
 Он на улицу ходил гулять с ребятами,
 Он шутил тут шуточки немалые:
 Какого хватит за руку – рука прочь,
 Он какого хватит за ногу – у такого ногу выстанет.
 (Выдернет.)
 Тут приходят мужики все со улицы
 К молодой вдовы Омельфы Тимофеевны:
 «Ты уйми-тко, уйми да чадо милое!
 Не уймешь ты его – мы уйдем его:
 Мы прогоним его вон из города!»⁴

Преизбыток силы, воспринятой Ильей Муромцем у Святогора, – не удача, но смертельная опасность, «лишняя» сила грозит гибелью:

Здохнул Светогор Ильи Муромцю –
Илья как надут весь от силы сделалса.
Говорит Светогор Ильи Муромцю:
«Припади, Илья, во вто́рой раз».
Не припал Илья Муромец к гробовой доски,
Тогда бы Илью силой разóрвало⁵.

Контролировать собственную силу – непростая задача для самого богатыря. Былина показывает, как Илья Муромец вынужден избавляться от «излишней» силы после того, как им одержана победа над войском Полубелого:

Разгорел Илья да со всема силами,
Не хватило Илье да всего войска,
Поежджат Илья да во сыры боры <...>
Он копал яму да сам великую,
Утолял силу свою великую⁶.

В античном эпосе чем больше силы у героя, тем лучше; сила идеального античного героя безгранична. В русском былинном эпосе сила нужна для исполнения миссии любви, что совпадает с выполнением Божией воли, и должна быть соразмерна масштабу его предназначения, чтобы не превратиться в антиценность. Сила и удаля Василия Буслаева, которыми он от природы наделен как бы в расчете на грядущие подвиги, не будучи примененной в рамках традиционной былинной миссии, приводит богатыря к мятежу, дерзости и гибели.

Сила, переданная герою по наследству от могучего отца, неизменно становится для наследника испытанием того, готов ли он правильно применить ее для исполнения миссии сострадания. Так, физическая (но не духовная) сила Ильи Муромца в полной мере передается его сыну (Сокольникову, Аполлонищу, Збуту, Борису) или дочери; почти титанической силой наделена дочь Микулы Селяниновича. Сын или дочь Ильи Муромца, в отличие от отца, выезжают в поле «искать себе поединщика», не будучи обременены миссией сострадания, – и былина показывает, что богатырская физическая сила, не направленная на решение поставленной свыше задачи, приводит к гибели героя. Сокольник, будучи обуян обидой

и гневом на отца, решается использовать свою силу для решения эгоистической задачи (мщения), им движет гнев – и такой «носитель» богатырской силы не может победить в былинном мире.

Есть еще одно важное отличие «русской» силы от силы античных героев: Ахилл (а к слову сказать, и Зигфрид) непобедимы в течение всей своей жизни, независимо от нравственной оценки их поведения (вплоть до финального трагического эпизода, в одночасье завершающего их бытие как непобедимых героев). Русский богатырь непобедим постольку, поскольку исполняет долг; сила может оставить того, кто начинает вести себя несообразно миссии сострадания. Например, Сухман вступает на путь богатырского служения в тот момент, когда проникается состраданием и жалостью к Непре-реке, которая «помутилась»:

Говорит тут Сухман да Одихмантьевич:
 «Что течешь ты, река, да не по-старому,
 Что течешь нонь не по-прежнему?» –
 «Я теку, река, не по-старому,
 Я теку, река, да не по-прежнему:
 Как за мной-то стоят, да за Днестрой-рекой,
 Сорок тысяч да злых татаровей,
 Они мост мостят да с утра до ночи.
 Что в день намостят, то в ночь я вымою»⁷.

Охваченный огнем сострадания, Сухман мгновенно получает богатырскую силу, это иллюстрируется тем, что он с легкостью выламывает из земли «сырой падубок». Однако по завершении битвы Сухман изменяет своей благородной миссии, опускаясь до хвастовства и глумления над противником, – мы видим, что сострадание в его сердце уступает место самолюбованию и дерзости. Благодать как бы оставляет Сухмана, он делается уязвимым для метательных снарядов неприятеля и погибает: «Да едет Сухан ко быстру Непру Слаутичу на берег, да вопит громко голосом: “Царь Азбук Товруевич! Вели меня подождати малехонко, яз тебе из Киева вывезу поминки многия от царя и великаго князя Владимира, и всем твоим князьям, и татаровям, и мурзам, и улановям без выбору. По грехом есмь запросто выехал. У падубка коренье обломалось, одно лиш осталос обломчишко”»⁸.

Нечто похожее происходит с Василием Буслаевым. Полагаясь на свою силу, Васька не верит провещающей «мертвой голове», которая «валяется» неподалеку от некоего камня на Святой Земле и предостерегает удалого паломника не прыгать через этот камень.

Заметим, что мертвая голова не просто валяется, но «умеет валяться» рядом с таинственным камнем, в чем заключен особый смысл. Любой слушатель былины мог наблюдать изображение черепа – «главы Адама» – на Голгофе в изножье Креста Господня в каждом православном храме, на одежде схимников и т. д. В ряде вариантов камень – это не Голгофа, а гора Фавор, «на которой преобразился Иисус Христос». Однако Васька «не верит ни в сон, ни в чох», не намерен почитать даже величайшие святые христианского мира; былина наглядно показывает, что великий богатырь, перешагнув грань, за которой начинаются хула и попытки осквернить святыню, непременно утрачивает силу. Богатырь, бившийся с Великим Новгородом и одержавший победу, оказывается неспособен перепрыгнуть через камень.

В былине сила дается богатырю для исполнения миссии, и тот, кто разменивает этот дар, пытается воспользоваться им в собственных интересах или прямо противопоставляет себя Богу, лишается силы и непобедимости (см., к примеру, былину «Камское побоище»⁹). Концепт силы русской былины приближается к христианскому пониманию личного креста как добровольного принятия тягот, испытаний. Силу обретает богатырь, который способен любить и потому сострадать, т. е. взять на себя богатырское служение как бремя. Таким образом, русский эпический богатырь непобедим не потому, что искупался в крови дракона, но потому что одерживает победу – над самим собой – задолго до того, как встречает в поле недруга. Непобедимость в бою предварительно обеспечивается внутренней победой над собственной гордостью, неверием, над черствостью по отношению к чужому страданию, над ленью или другими слабостями. Внутренняя победа над собой неизменно выражается в горячем, искреннем сострадании и – неосознанно – принятии на себя роли исполнителя Божией воли. Поэтому сила может быть использована богатырем не по собственному изволению. Она дается лишь для восстановления справедливости и Божией правды.

Божественный по природе, «мессианский» характер этой силы особенно ярко проявляется в былине «Илья и станичники». Сила Ильи приобретает поистине неземной, инобытийственный масштаб именно в сопоставлении с претензиями на силу «станичников», «камышников». Силушка «камышников» – физическая, земная; сила Ильи – духовная и потому как бы метафизическая; этот контраст тонко передается через попытку разбойников оценить привычными «земными» мерками коня и доспехов Ильи Муромца:

Ище взять вам у старого нечего
 Ище есть веть на старом кунья шуба
 Ща нашыто на шубы пять пуговок:
 Перва пуговка стоит сто рублей
 Втора пуговка стоит пятьсот рублей
 Третья пуговка стоит тысячи
 А чветета-та пуговка три тысячи
 А пята-та пугофка десять тысячей.
 Ищо есть веть у старого в кормани петьсот рублей
 Что на винную чару похмельную¹⁰.

Цикл былин об Илье Муромце представляет собой, по сути, историю восхождения от одной миссии сострадания к другой, и каждая ступень требует более высокого уровня богатырской силы.

Первый «прилив» сил Илья получает, когда странники просят подать им напиться: миссия сострадания является отправной точкой богатырского поприща. Просьба напиться не представляется чем-то требующим особенной душевной работы, пусть даже с учетом того, что для человека Древней Руси напоить странника было святым долгом гостеприимства и простой человечности. Но немощный Илья не может решить эту задачу без искреннего душевного усилия – его поднимает на ноги не желание выздороветь, но та русская «жалость», которая является искрой, волевым актом, с которого начинается богатырская работа:

«А каков ты, Илья да сын Ивановиц?
 А ише много ле в себе да силы цювствуёшь?»
 А говорил где Илья да сын Ивановиц:
 «Ишше силы-то во мне тепере порядоснё:
 Ишше мог я бы ехать да во цисто полё,
 А ишше мог я бы смотреть а людей добрые,
 А ишше мог я бы стоять за веру правас[лав]ную,
 А за те же за церкви да я за Божьи нонь,
 А за те за поцётные монастыри,
 А за тех я за вдов за благоверных,
 А за ту сироту я да маломожонну»...¹¹

Отметим, что слово «смотреть» здесь упоминается, по нашему убеждению, в значении «присматривать, защищать, приглядывать за кем-либо» – речь не идет о банальном любопытстве, желании поглядеть мир.

Ключевую идею о том, что даже калека может делать богатырскую Божию работу, закрепляет замечательный микросюжет о том, как Илья любовью и терпением воспитывает чудесного коня из «паршивого жеребенка». Принципиально важно, что – уже в этом начальном акте – сила дается Илье не для самовольного действия, не для эгоистических подвигов (женитьбы, получения богатства и др.), но для помощи другим. В одном из вариантов былины переходящие калики, исцелив сидня, сразу ставят перед ним первую задачу:

Говорят на то ищэ калики-то:
 «Кабы есь у отца, у отца ле, нонь у матушки,
 Кабы есь нонь у их полё посеяно,
 Зашел ноньце скот да кабы топьцет ле,
 Ты поди огороди, огороди как ноньце божей дар»¹².

Илья не тратит силы на то, чтобы, подобно Сокольникову, подбрасывать в небо и подхватывать тяжелую булаву; он расчищает от деревьев и кустов (каменей, пней) «родительскую делянку»:

А пошел где Илья да к своёму оцьцю
 А на ту же на роботочку на хресьяньскую,
 Ише где его отец да тут работаёт¹³.
 И стал им помогать поле чистити,
 И стал дубья рвать со коренём¹⁴.

Образ богатыря, который, отложив ратные подвиги, выполняет «работушку хлебопашескую» за утомившихся родителей, напрямую отсылает слушателя былины к образу «оратая» Микулы Селяниновича – ключевому для понимания былинной концепции силы. Противопоставление Микулы и Вольги есть антитеза русского концепта силы и свойственного многим другим локальным цивилизациям концепта удачи. Эта антитеза, на наш взгляд, связана с одним из наиболее древних и важных цивилизационных выборов русского народа. По наблюдению А.С. Панарина, выбор был сделан в пользу смиренного хлебопашца, невзирая на то, что «в известное время (на исходе Средневековья) и в известном регионе (на рубеже Леса и Степи в Евразии) кочевник на коне выглядел аристократом по сравнению с копошащимся в земле пахарем»¹⁵.

Микула Селянинович наделен силой, необходимой для смиренного исполнения Божией воли, миссии любви к людям, жизнь которых напрямую зависит от его труда. Вольга Всеславович, на-

против, поначалу не «подключен» к энергиям духовного порядка – он наделен не силой, но удастью: «тешится» охотой и ловлей рыбы, занимается обычным княжеским делом – сбором дани, не будучи призван к подлинной богатырской миссии любви и сострадания. В понимании русского человека сила смиренного оратая несравненно выше аристократической удали. А. Тойнби отмечает, что правильность такой оценки была подтверждена исторически (русским впервые в истории удалось «не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников и даже не просто побить их (как когда-то побил Тимур), но и достичь действительной победы... изменив лицо ландшафта и преобразовав в конце концов кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища – в оседлые деревни»¹⁶).

Получив чудесную силу, Илья Муромец ведет себя не как удалец Вольга: он отправляется не охотиться и даже не «корить земельки». Илья начинает богатырское поприще со смиренного крестьянского труда – по сути, успешно сдает древний «экзамен», предложенный в свое время удалому Вольге. Слушатель былины понимает: появился на Руси богатырь, способный «выдернуть» из-за ракитова куста знаменитую сошку, закинутую туда Микулой Селяниновичем, и «повытряхнуть земелюшку» из булатных оmeshиков.

Заметим кстати, что и образ Вольги эволюционирует: если в «Вольге и Микуле» это удалец, не обремененный миссией сострадания, то в былине «Волх Всеславович» герой отправляется в поход «на царство индейское, на царя Салтыка Ставрुльевича» потому, что

Индейский царь наряжается
 А хвалится – похваляется,
 Хочет Киев-град за щитом взять,
 А божия церкви на дым пустить.
 И почестныя монастыри разорить¹⁷.

Вольга с детства овладел «похватками богатырскими», поэтому его восхождение к богатырской миссии от образа удалыца – дружинного лидера происходит быстро. Более плавный переход ожидает крестьянского сына Илью, который изначально тяготеет к смиренному труду, подобно Микуле Селяниновичу. Поначалу он и вовсе не намерен братья за оружие: «Отец и мать ево дают ему благословение, и кладут на него заклятие великое, и говорят такие речи: “Поезжай ты в Киев прямо на Чернигов град и, будучи в пути своем, не делаи обиды, и не проливаи крови христианския напрас-

но»¹⁸. Илья намеревается исполнить заповедь и не обнажать сабли в пути, однако мирный план путешествия не удастся реализовать – «Богатырско сердце разгорелось»¹⁹. Илья не может потерпеть неправды, чинимой «темной силушкой» в отношении жителей осажденного русского города:

Ах приехал старой во Быкетовец-град.
Ах как те ле мужики да быкетовския
Ах как ходят во слезах да во великих:
Ах напала на них литва поганая.
Ах как стал тут старой да подрадумалсэ:
«Ах как всякий-то заповеди вкладыват,
Ах не всякий же заповедь испалниват».
Ах начал он тут бить литву поганую,
Не оставил поганных на сѣмена²⁰.

Заметим, что использование «сырого дуба» для очистки земли от «поганой силушки» является попыткой соблюсти заповедь хотя бы формально: решить задачу, не прикасаясь к сабле, копьё, боевой палице. Илья действует привычным крестьянским способом; но если раньше сила использовалась для расчистки делянки или огораживания полей от скота, то теперь богатырь поднимается на новую ступень служения и переживает новый «прилив» богатырской силы. Как выясняется, молитвы освобожденных от «темной силушки» жителей Чернигова (Быкетовца, Себежа, Кинешмы, града Кидоша, Сибирского царства) необходимы Илье для победы над Соловьем. Здесь мы вновь сталкиваемся с попыткой оценить миссию Ильи земными мерками: по сути, черниговские (быкетовские, смолягинские, латинского или сибирского царства) жители предлагают Илье назвать цену, за которую он готов отказаться от богатырской судьбы.

Ах как те ле мужики быкетовския
Ах тащат тут они да злато-серебро.
Говорит тут старой да Илья Муромец:
«Мне не надо ведь ваше да злато-серебро,
Попросите-ко вы мне да могучей силы»²¹.

«Попросить» у Бога силы для Ильи Муромца для решения стоящей перед ним задачи – главное, что народ может сделать для своего защитника. В аксиологическом плане важно сопоставление «материальных» ценностей («злата-серебра») и ценности молитвы, благодаря которой герой получает силу и победу. Молитвы нужны

Илье накануне его встречи с Соловьем Разбойником. И сказителю, и слушателю былины понятно, что миссия, принятая на себя богатырем по Божией воле во исполнение народных молитв, «обречена» на успех. Это подтверждает эпизод с преткновением коня и весьма жесткой реакцией на это Ильи Муромца. Особый драматизм ситуации придает то, что «спотыкание» коня в русской сказке является верным знаком будущего поражения и гибели всадника (как правило, злодея, который в таких случаях прямо спрашивает коня, не чуется ли он «какую невзгуду»)²². Между тем поражение Ильи невозможно по законам Божией правды; проявление слабости со стороны Бурушки представляется богатырю своего рода покусением на единственно верный, оправданный высшей логикой сценарий развития событий. Таким образом, подчеркивается, что обычные «приметы» не работают в былине, злые силы и предзнаменования не имеют власти над богатырем, исполняющим миссию сострадания:

У Ильи ведь тут конь да на колени пал.
 Ах как бил-то Илья да по крутым ребрам:
 «Ах ты, волчья сыть да травяной мешок,
 Не слышал воронина да всяка граеня,
 Не слышал ты сорочьего кычиканья?
 Ах от свиста-та ты да на колени пал»²³.

Победа Ильи над Соловьем обеспечена предварительно духовной работой богатыря, и этот смысл удивительно верно прочитал В.И. Даль. В его «Сказке Руси богатырской» говорится, что карачаровский сидень не просто так лежал на печи тридцать лет и три года: «Из-под себя, родясь, ноги не вытаскивал, / Под собою, на печи сидя, он яму протер, / По зарям шепотом молитвы начитывает»²⁴. К сожалению, великий собиратель фольклора и автор «Толкового словаря живого великорусского языка» не оставил упоминания о том, где и от кого он мог услышать «предысторию» исцеления Ильи Муромца, ограничившись указанием, что так «гласит летопись предания в устах народа». Можно предположить, что автор «Сказки Руси богатырской» слышал духовный стих или повествовательный рассказ о богатыре Муромце; в известных нам записях русского былинного эпоса, чуждого открытому дидактизму и не привыкшего соединять в одном образе черты богатыря и аскета-молитвенника, микросюжет о молящемся сидне не встречается. Тем не менее духу былины абсолютно соответствует то, что у В.И. Даля будущий богатырь задолго до исцеления задается вопросом: «И как же мне, сиднем сидючи, Соловья Разбойника поймать?».

Догадку В.И. Даля о том, что победе над Соловьем предшествовала духовная молитвенная работа Ильи Муромца, подтверждает параллелизм временных координат: тридцать лет, проведенные Ильей на печи в молитвах, соответствуют тридцати годам, в течение которых бесчинствует на прямоезжей дороге Соловей: «Илья Муромец поехал ко граду Киеву прямою дорогою от Чернегова, которую заложил Соловей разбойник равно 30 лет: не пропускал ни коннова, ни пешива»²⁵. Наконец, именно как следствие напряженной предварительной молитвенной работы может восприниматься поразительная легкость победы над Соловьем. Ни в одном из вариантов не описываются перипетии схватки (а ведь в былинах зачастую поверженным оказывается сперва один, потом другой поединщик, оружие врага попадает в нателный крест, у героя подкашивается нога, он увязает в землю по колено, по пояс, по грудь и т. п.)

Теперь же исход поединка решает единственный выстрел. Соловей повержен и притянут к седлу богатырского коня – но миссия сострадания отнюдь не выполнена до тех пор, пока Илья не выпустит русских пленников из подвалов, где они томятся под властью сыновей и дочерей Соловья. Именно освобождение страдальцев (а не победа над Соловьем Разбойником) являются целью богатыря.

Заметим, что особый, «божественный» характер миссии Муромца очевиден и самому Соловью Разбойнику. Когда его дети пытаются наброситься на Илью, Соловей (в ряде вариантов – «молода жена» Соловья) с мудрой рассудительностью советует им отказаться от этого предприятия. Как можно видеть, расправа с потомством Соловья не входит в планы героя, исполняющего миссию сострадания: русские пленники освобождены, и судьба сыновей (дочерей) Соловья более не беспокоит ни Муромца, ни сказителя, ни слушателя.

Отметим, что в ряде вариантов единственная дочь Соловья (Марья Соловеевна, Пеля, Елена волшебница) все-таки наносит Муромцу страшный удар «подворотней булатной стопудовой» и оказывается едва ли не единственным противником Ильи (за исключением – в будущем – родного сына или дочери богатыря), который ухитряется нанести богатырю серьезный ущерб: «Мало Илюшенке можется, / Сидит на коне да шатается»²⁶. Думается, столь неожиданный «успех» Марьи Соловеевны для слушателя и сказителя былины объясним: Марья пытается спасти отца, и относительная справедливость этой миссии делает Илью более уязвимым. Нечто похожее происходит при встрече Муромца с отцом только что погибшего Святогора. В известном смысле Илья является невольной причиной смерти Святогора, ведь он накрыл того, лежащего в гробу, крышкой – и не смог потом эту крышку ни сдви-

нуть, ни разбить. Отец Святогора прямо обвиняет Илью в гибели своего сына – и поскольку духовная логика былины в подобных случаях однозначно наделяет пострадавшего большими правами на победу, Илье угрожает гибель, если отец Святогора сожмет его руку. Муромец протягивает слепому старику рукоять «палицы булатной», нагретую на огне, и только тем спасается.

В борьбе с Марьей Соловеевной правда все же на стороне Ильи, избавляющего русских людей от напасти. Он не может оставить наследников Соловья хозяйничать на дорожке прямоезжей и потому, конечно, находит силы справиться с богатыркой. Однако заметим, что во многих вариантах былины, как бы из уважения к мотивам действий Марьи Соловеевны, Муромец не губит ее: богатырка отделяется «увечьем вековечным», которое делает невозможным продолжение разбоя.

Связанного Соловья богатырь тоже убивать не собирается. Это решение ему приходится изменить в тот момент, когда разбойник, нарушая приказание Ильи свистеть вполсилы, наносит ущерб людям и постройкам в Киеве. Богатырь казнит Соловья со словами: «полно тебе слезить отцов-матерей» – только сострадание к чужому горю заставляет Илью пойти на убийство. В варианте былины, записанном П.Н. Рыбниковым от Н. Прохорова, проговаривается даже, что Соловья отпускают на покаяние по монастырям. Муро́мцу приходится «рассечь Соловья на мелки на часточки» только после того, как выясняется, что тот отправился «во честные монастыри» «не строителем, а разрушителем»²⁷.

Былинный концепт силы допускает добровольный (или самовольный) «отказ» богатыря от миссии служения и, по сути, утрату силы. По навету бояр князь подвергает Илью Муромца опале, и богатырь добровольно делается как бы бессильным, спускается в подвалы или уходит пировать с «голями кабацкими». Новый, высочайший уровень служения (и соответственно новую силу) Илья принимает в тот момент, когда калика переходжий (старчицо Иваницо) рассказывает ему о падении Царя-града под власть Цюдишша (Идолица поганого, Издолица):

«А у нас ведь нынь во Царе-гради
 Не по-старому, не по-прежнему.
 А потухло у нас соньцё красное <...>
 У Царя Костянтина Атаульевича
 Сковали да ноги резвы жа
 А тема залезами немецкима <...>
 Кнегину Опраксею в полон взяли»²⁸.

Акт сострадания царю, княгине и простым людям Царя-града, переживаемый богатырем (а вместе с ним сказителем и слушателями), сопровождается горячим чувством необходимости восстановления Божией правды, потому что Идолище «запретил просить милостинку Христа ради: / “Вы просите-тко милостинку ради Идола!”»²⁹.

Узнав, что в Царе-городе «все святые образа поколоты, в черной грязи потоптаны»³⁰, Илья принимает эту миссию из ревности по Богу. Кроме того, в былине «Илья и Калин-царь» в аналогичной ситуации богатырь страдает князю Владимиру и княгине: его чрезвычайно возмущает, что злодей дерзнул «от живого мужа жену отлучать»³¹. Придание Муромцу новой силы сопровождается деконструкцией привычного образа богатыря, намеренной профанацией внешности. Богатырь превращается в нищего. Заметим, что былина подробно рассказывает как, снаряжаясь в дорогу, Илья Муромец «подпрягает двенадцать подпруженек», накладывает седлышко на войлучек и т. д. – однако доспехи и снаряженный конь богатырю не понадобятся. Он обменивает все это на платье и посох странника. Акт обмена очень важен в аксиологическом плане: в очередной раз былина убеждает нас в том, что сила русского богатыря не зависит от оружия, доспехов, даже богатырский конь не является чем-то необходимым для победы. Образ Ильи-странника отмечает кульминацию миссии сострадания, период высочайшего испытания сил, требующего от богатыря полной жертвенности и самоотдачи.

Более того, принятие Ильей образа калики не есть просто «военная хитрость», позволившая подобраться поближе к Идолищу. Обретение богатырем духовных сил сопровождается зримым преобразованием. В разговоре с «сильным могучим Иванищем» Илья пеняет калике: «у тебя есть силы с двух меня, а смелости-ухватки с половинки нет»³². В понимании сказителя и слушателей переходный калика Иванищо, посвятивший себя аскетическому подвигу, по масштабу силы приближается к ангелу, к Святителю Николаю, его сила уже неземная, духовная. Поэтому, приняв образ калики, отказываясь от всего – доспехов, коня и оружия ради единственной «клюки в сорок пуд», Илья-странник делается явно сильнее прежнего Ильи-богатыря.

Любовь и сострадание суть главная особенность русского концепта силы, отразившегося в былинном эпосе. Сострадание есть ключ к подвигу и его отправная точка. В мире былины акт сердечного сострадания дает богатырю силу, которая без совещного сердечного акта становится злом (см. былины о Добрыне и

Маринке Потравнице и последнем путешествии Василия Буслаева) или парадоксальным вне логики былинного мира бессилием («Добрыня и змей»). Важнейшей и, возможно, уникальной особенностью былинного эпоса является то, что сила и непобедимость героя не являются атрибутом русских богатырей по праву рождения и национальной принадлежности. Русский герой остается позитивным персонажем до тех пор, пока его действия согласуются с правдой Божией, справедливостью и сердечным состраданием, разделяемым сказителем и слушателями.

Примечания

- ¹ *Столяров А.А.* Свобода воли как проблема европейского морального сознания. М., 1999. С. 21.
- ² *Аванесов С.С.* Аксиологические мотивы в поэмах Гомера (1) // *ΣΧΟΛΗ*. 2010. Vol. 4. 2. P. 266.
- ³ Былины: Поединок Добрыни Никитича с Ильей Муромцем. № 4 // Былины: В 25 т. Т. 7: Былины Пинеги: Север Европейской России. СПб.; М., 2012. С. 160. (Свод русского фольклора)
- ⁴ Поездка Василия Буслаева в Иерусалим: [Былина] № 194 // Былины. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. СПб.; М., 2004. С. 516–517.
- ⁵ Святогор и Илья Муромец: [Былина] № 4 // Былины. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. СПб.; М., 2001. С. 163–164.
- ⁶ Былины: Илья Муромец и Соловей Разбойник. № 11 // Былины. Т. 7: Былины Пинеги: Север Европейской России. СПб.; М., 2012. С. 160.
- ⁷ Сухман: [Былина] № 195 // Былины. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. СПб.; М., 2001. С. 122.
- ⁸ [Повесть о Сухане] <2> // Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков. М.; Л., 1960. С. 147–148. (Памятники русского фольклора)
- ⁹ Камское побоище: [Былина] № 22 // Былины. Т. 7: Былины Пинеги: Север Европейской России. СПб.; М., 2012. С. 237.
- ¹⁰ Встреча Ильи М[уромца] со станичниками // Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг.: В 3 т. Т. 1. М., 1904. С. 480.
- ¹¹ Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 66 // Былины. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. СПб.; М., 2003. С. 310.
- ¹² Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 41 // Былины. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. СПб.; М., 2001. С. 270.
- ¹³ Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 66 // Былины. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. СПб.; М., 2003. С. 311.

- 14 Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 40 // Былины. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. СПб.; М., 2001. С. 262.
- 15 *Панарин А.С.* Православная цивилизация. М., 2014. С. 47.
- 16 *Тойнби А.Дж.* Постигание истории: Пер. с англ. М., 1991. С. 140.
- 17 Древние русские стихотворения. М.: Типография С. Селивановского, 1804. С. 74.
- 18 История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье разбоинике <2> // Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков. С. 120.
- 19 История о славном храбром и сильном богатыре Илье Муромце сыне Ивановиче, о Соловье разбоинике // Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков. С. 101.
- 20 Илья Муромец и Соловей-разбойник: [Былина] № 62 // Былины. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. СПб.; М., 2001. С. 350.
- 21 Там же.
- 22 Буря-богатырь Иван коровий сын: [Сказка] № 136; Марья Моревна: [Сказка] № 159 // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 1. М., 1984. С. 216–225; 300–305. (Литературные памятники)
- 23 Илья Муромец и Соловей-разбойник: [Былина] № 62 // Былины. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. СПб.; М., 2001. С. 350.
- 24 Сочинения В.И. Даля: В 8 т. СПб.: М.О. Вольф, 1861. Т. 6. С. 4.
- 25 История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье разбоинике // Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков. С. 111.
- 26 Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: В 3 т. Т. 2. М., 1910. С. 297.
- 27 Там же. С. 91.
- 28 Былины: Илья Муромец и Идолище. № 14 // Былины. Т. 7: Былины Пинег: Север Европейской России. СПб.; М., 2012. С. 199.
- 29 Былины: Илья Муромец и Идолище. № 15 // Былины. Т. 7: Былины Пинег: Север Европейской России. СПб.; М., 2012. С. 200.
- 30 Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 2. С. 97.
- 31 Там же. С. 113.
- 32 Там же. С. 97.